

КИРИЛЛ КОНДРАШИН:

ЗАВИДУЮ НЕПРОФЕССИОНАЛАМ

Как обычно, долго, тщательно рассаживался оркестр. Занимали места хористы из народных хоров «Дзельме» (Алуксне), «Дзинтариора» (Лиепая), «Эзерземе» (Резекне), «Земгалс» (Елгава), «Кайва» (Вентспилс), «Ливземе» (Вентспилс), «Видземе» (Цесис), хора им. Т. Калныня телевидения и радио Латв. ССР (Рига). Вся Латвия вышла петь, а на световом табло Рижского Дворца спорта зажглось: «Д. Шостакович, «Песнь о лесах».

Огромный хор и огромный оркестр образовали единый музыкальный организм, захватив и похорив слушателей. Управлял им народный артист СССР дирижер Кирилл КОНДРАШИН.

— Кирилл Петрович, Вы очень много ездите по стране, часто бываете за рубежом. Скажите, пожалуйста, приходилось ли Вам видеть подобные праздники?

— Такого, я бы сказал, все-народного увлечения хоровым пением встречать мне нигде никогда не приходилось. Вот уже 13 лет я ежегодно приезжаю в Латвию и не устаю удивляться огромной популярности Праздников песни и отдельных выступлений хоров. Хоровая музыка, хоровое пение — неотъемлемая часть национальной латышской культуры. Неотъемлемая в самом полном смысле — этой страстью «заражены» буквально все — от детей до глубоких стариков.

Говорят, нечто подобное происходит и в Эстонии. Я, правда, сам на Праздниках песни там не был. Остаюсь патриотом нашей республики.

— Латвия для Вас — это прежде всего концертное лето?

— Нет, много больше. Дело в том, что моя мать — уроженка Риги. Так что Латвия очень тесно связана с моими детскими воспоминаниями; по рассказам матери, даже по некоторым песням — она их пела на латышском языке.

Да и знакомство мое с Ригой чуть не состоялось лет на 20

раньше: в 1927 году мать решила навестить своего брата — рижского адвоката. Но когда мы приехали в Ленинград и обратились там в латвийское консульство, нам в визе отказали.

— Так что...

— Так что в Ригу попал только после войны. А попал — полюбил. Разве можно не любить Ригу, Юрмалу? Кроме того, у меня свой, чисто профессиональный интерес: ценю и высоко ставлю рижскую оперу. Взгляните хоть на репертуар — где еще в Союзе идет «Тангейзер», «Золото Рейна»? К опере у меня отношение особое — как-никак, 24 года проработал в оперном театре.

— Скажите, Кирилл Петрович, как Вы относитесь к делению дирижеров на оперных и симфонических?

— Считаю, что не может и не должно быть такого деления. Эта «специализация» происходит только потому, что дирижер театра оперы и балета обычно загружен сверх всякой меры, и заняться ему симфонической музыкой — непозволительная роскошь.

По моему мнению, через оперу должен пройти каждый дирижер. Видите ли, музыка — искусство образное, и если зритель может слушать, воспринимать только звуки, то дирижеру необходимо видеть яс-

ные зрительные образы. Только тогда он сможет подчинить себе и оркестр, и аудиторию, заставив их мыслить в одном направлении с собой. Так вот, театральная драматургия оперы дает толчок к образному видению.

— Как Вы относитесь к исполнителям в роли дирижера?

— Эта тенденция видна повсюду: в театре, в кино актеры сами снимают фильмы, у нас музыканты становятся к пульту. Но, я думаю, пусть эта тенденция ограничится театром и кино. Музыкант-исполнитель и дирижер — это разная техника, разный подход к оркестру, разная психология.

Быть дирижером в полном смысле этого слова — значит управлять оркестром. А ведь часто бывает наоборот: хороший оркестр играет сам, а дирижер идет за ним и только следит, чтобы не опоздать за музыкантами. Это, конечно, не дирижирование.

На моей памяти дирижерами, равными самим себе как исполнителям, стали только Мстислав Ростропович и Игорь Безродный. Они смогли силой могучего таланта подчинить оркестрантов своей воле. Да и не только таланта. Дирижирование — огромная работа, многокилометровые движения рук.

— Кого Вы могли бы назвать из молодых советских дирижеров?

— Мне нравится ваш Марис Янсонс. Этим летом в Дзинтари я присмотрелся к Василию Синайскому — очень интересный дирижер.

Но, должен сказать, в нашей профессии прогнозы делать

опасно. Даже самый талантливейший дирижер, если он несколько лет не находит чего-то нового, не ставит перед оркестром каких-то новых задач, становится просто-напросто неинтересен музыкантам. Им скучно с ним.

В это время наш разговор прервали. Кирилл Петрович должен был заполнить анкету. Рост, цвет глаз — все это затруднений не вызвало. Но вот — «девичья фамилия матери жены». Не без усилий вспомнил и это. Кондрашин усмехнулся: «И бабушка малярией не болела».

— Судя по анкете, Вам предстоит гастроль?

— Да, оформляемся заранее. Поездка состоится месяца через полтора: 5 стран Европы — Бельгия, Голландия, Швейцария, Австрия, Италия. А пока, после 27-го (закрытие гастролей в Юрмале), отдых.

— Что такое отдых для Вас, Кирилл Петрович?

— Месяц, как обычно, буду отдыхать в Юрмале, в давно облюбованном санатории.

— И музыки — ни-ни?

— Да нет, не выдержу. Знаю об этом заранее и уже договорился — в августе два концерта с киевским оркестром.

— А как Вы вообще отдыхаете?

— Пассивного отдыха не признаю. Если не дирижирую, то пишу статьи, книгу о дирижировании, занимаюсь со студентами. Знаете, мотор раскручен — теперь не остановить. Для меня отдых — переключение. В рамках все той же музыки.

— А кроме нее?

— Кроме нее — театр. Я имею в виду драматический (оперный — само собой, это тоже музыка). Очень люблю товстоноговский — БДТ, любимо-мский — на Таганке.

— Кстати, Кирилл Петрович, как бывший оперный дирижер, как Вы относитесь к возможности работы режиссера драмтеатра в опере и балете? Ведь Юрий Любимов недавно с большим успехом работал в миланской «Ла Скала».

— Я думаю, это надо отнести на счет таланта Любимова. В целом же подходы оперного и драматического режиссеров совершенно различны. Из подобных попыток мало что выходило. Помню, как в Большой

театр пришел Охлопков — ставить «Декабристов». Все взволновались: приходит новатор, мейерхольдовец, сейчас научит. Но... сам Охлопков заразился оперной рутинкой, и ничего из этого эксперимента не вышло.

— Кирилл Петрович, Вам часто приходится руководить не только оркестром, но и хорами. Не создает ли это дополнительных трудностей для Вас, не мешает ли Вам?

— Видите ли, концертные хоры приближаются к инструментальному мышлению, а стало быть, и звучанию. То есть дирижером они воспринимаются не как вокальные партии, а как звучащие инструменты.

Здесь стоит сказать о словах, о тексте. Существует мнение, правило даже, что вокальные произведения должны исполняться на языке оригинала. Я категорически против этого. Вокал — искусство доступное, демократичное. Слушатель должен понимать, о чем поет хор. Не только как, но что он поет. Можно, конечно, прочитать либретто оперы или текст оратории, но важны ведь и интонации. Чем был силен Шаляпин? Именно оттенками, нюансами — и не только своего великолепного голоса, но и смысловыми, чисто драматическими.

Вспомните — всегда ли можно разобрать слова в хоровом пении. Даже если на родном языке поют — и то трудно. В этом повинны и композиторы — увлекаются сложными полифоническими формами и забывают о вокалистах. А уж о исполнении на языке оригинала и говорить не приходится. Помню, в Чикаго услышал, как хор разучивает сцену из «Бориса Годунова». Долог стоял в коридоре, все прикидывал, на каком языке поют, пока не понял, что они думают, что поют по-русски.

— На нашем фестивале выступают только самодельные хоры. Как Вы оцениваете их мастерство, уступают ли они профессиональным?

— Лучшие коллективы, на мой взгляд, достигли вполне профессионального уровня. Вы подумайте — поют 9-ю симфонию Бетховена! Сам этот факт что-нибудь да значит. И хорошо поют. А по сравнению

с профессионалами у них есть одно огромное преимущество.

Позволю себе небольшое отступление. В молодости я руководил самодельным оркестром Дома ученых. Приходили очень пожилые люди, вынимали свои скрипочки и извлекали из них нечто неообразимое. Но я по сей день помню выражение их лиц. Они получали наслаждение, какое и не снилось музыканту-профессионалу. Понимаете, они не разделяли музыку и исполнение. Мы это делаем — для нас исполнение музыки значит слишком много, и потому оно отделилось от собственно музыки, существует самостоятельно. А для них — нет.

То же, видимо, происходит и с самодельными хорами. В музыке, как нигде, человек находит «свое». Музыка — наименее конкретное из искусств и позволяет свободную трактовку, так что каждый может найти в ней то, что ищет.

Вот, скажем, в драматическом искусстве — если пьеса плохая, то это плохо — в точках. А если не очень хороша музыка, певец-хорист может как-то абстрагироваться от нее, уйти в пение, как в освоение нового процесса. Самодельный хорист, как правило, не стремится стать солистом. Огромную роль здесь играет и «чувство локтя». Для профессионала исключительно важен контакт со зрителем, слушателем, а любителю надо чувствовать соседа, коллектив. Может быть, в этом секрет такого массового увлечения хоровым пением у нас. Участие в хоре — один из самых доступных способов «войти в музыку», творчески самоутвердиться.

Наверное, это прозвучит странно, но я завидую непрофессионалам. Они могут позволить себе любить искусство, не думая о себе в искусстве. И наверное, поэтому я особенно восхищаюсь вашими грандиозными Праздниками песни, вашим нынешним фестивалем.

— Спасибо за интервью.

Вел беседу

П. ВАЙЛЬ.